

Т. А. КУКУШКИНА

**Замятин в правлении
Всероссийского союза писателей
(Петроградский / Ленинградский отдел) ***

Обстоятельства членства Евгения Ивановича Замятина в Петроградском / Ленинградском отделе Всероссийского союза писателей (ВСП; 1920–1932), последней институции, представлявшей интересы дореволюционной русской литературы, выходят за рамки факта личной биографии писателя. В литературно-общественном движении 1920-х гг. имя Замятина было знаковым. Бесстрашный правдолюбец, предпочитавший всегда «писать по совести», он был одним из немногих, кто в первое послереволюционное десятилетие осмелился открыто противостоять претензиям новой власти на унификацию личности, создание подконтрольной, стандартизированной литературы и звать русскую интеллигенцию «на защиту человека и человечности». Существование Всероссийского союза писателей неоднократно ставилось в зависимость от пребывания в нем Замятина и многие эпизоды в истории Союза неотделимы от перипетий личной и творческой судьбы писателя. Представленный здесь обзор деятельности Замятина в Союзе писателей основан на материалах архива петроградского / ленинградского Союза, хранящегося в Пушкинском Доме (РО ИРЛИ, ф. 291).

Петроградский отдел Всероссийского Союза писателей — третье по времени создания послереволюционное объединение литераторов Петрограда. К моменту его образования 4 июля 1920 г.¹ деятельность

* Впервые: Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публикации / Сост. М. Ю. Любимова. СПб., 2002. С. 108–125. Публикуется по этому изданию.

¹ К этому времени в Москве уже действовал Союз писателей, созданный в 1918 г. под председательством М. О. Гершензона. Весной 1920 г. он был реорганизован, председателем избран Ю. Балтрушайтис.

двух предыдущих — Союза русских писателей (март 1917 — декабрь 1918)² и Союза деятелей художественной литературы (СДХЛ; март 1918 — май 1919)³ уже была прекращена. По своей задаче (защита правовых и материальных интересов писателей, свободы печати), принципу объединения писателей различной литературной ориентации и направлению работы Союз был преемником двух первых. Созданные дореволюционной творческой интеллигенцией в условиях голода, особенно страшного среди петроградских литераторов⁴, усиливающегося идеологического контроля и минимальных издательских возможностей, все они были оппозиционны официальной власти. История деятельности этих трех Союзов (как, впрочем, и таких литературных объединений, как издательство «Всемирная литература»⁵, Дом литераторов, Дом искусств) является, по сути, историей противостояния интеллигенции политике государственного диктата. Необходимость защиты естественных гражданских и профессиональных прав писателей в значительной степени определила

² В правление Союза русских писателей, закрытого за противоправительственную деятельность, входили С. А. Венгеров (председатель), Ф. Д. Батюшков (товарищ председателя), П. Я. Рысс (секретарь), М. В. Ватсон, Л. Я. Гуревич, А. М. Калмыкова, А. М. Редько, Ф. Сологуб.

³ Союз деятелей художественной литературы организован по инициативе Ф. Сологуба, А. Н. Чеботаревской и Н. С. Гумилева. Председателем Союза был Сологуб, затем — В. В. Муйжель. О деятельности Союза см.: *Ширмаков П. П.* К истории литературно-художественных объединений первых лет советской власти: Союз деятелей художественной литературы (1918–1919 гг.) // Вопросы советской литературы. М.; Л., 1958. Вып. 7. С. 454–475; Союз деятелей художественной литературы (1918–1919 гг.) / Публ. В. П. Муромского // Из истории литературных объединений Петрограда — Ленинграда 1910–1930-х гг.: Исследования и материалы. СПб., 2002. Кн. 1. С. 125–196.

⁴ О бедственном экономическом положении интеллигенции Петрограда, искусственно созданном политикой государства и руководством города, см., в частности: Из литературного быта Петрограда начала 1920-х гг. (Альбомы В. А. Сутугиной и Р. В. Руры) / Вст. ст., публ. и комм. Т. А. Кукушкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 г. СПб., 2002. С. 341–402.

⁵ Созданное М. Горьким издательство «Всемирная литература» (1918–1924), один из центров интеллектуальной жизни Петрограда начала 1920-х гг., фактически выполняло функции, свойственные литературным организациям. Задачи, зафиксированные в их уставах, — «общение писателей, содействие развитию литературы и улучшению бытовых и правовых условий литературной деятельности» — вполне могут быть отнесены и к коллективу издательства, являвшемуся, на наш взгляд, своеобразной литературной институцией.

и характер деятельности всех литературных организаций. Ко времени образования ВСП заботу о нуждах литераторов Петрограда уже осуществляли и Дом литераторов, и Дом искусств, и издательство «Всемирная литература». Не имея статуса профессиональных писательских объединений, ни одна из этих организаций не могла в полной мере отстаивать права писателей⁶. Не случайно петроградские литераторы при обсуждении с московскими коллегами единого названия Союза в течение года настаивали на сохранении обозначения «профессиональный». К единому названию — «Всероссийский союз писателей» — с равноправными отделами в Москве и Петрограде московские и петроградские коллеги пришли лишь в июне 1921 г. Первые три года по своим задачам, функциям и составу правления Союз был тесно связан с Домом литераторов, считавшимся прибежищем буржуазной интеллигенции. От Дома литераторов Союз получил и первоначальную ссуду, на базе секретариата Дома литераторов велось и делопроизводство Союза. В отстаивании прав русских писателей Союз писателей и Дом литераторов нередко объединяли свои усилия.

Замятин был среди членов-учредителей Союза. Его заявление о вступлении датировано 4 июля 1920 г., тогда же он был избран во временное, а с октября 1920 г. — в постоянное правление. Вместе с Замятиным в состав временного правления входили: Аким Львович Волинский⁷ (председатель), историк и теоретик искусства, ведущий критик и идеолог журнала «Северный вестник»; Николай

⁶ По декрету советского правительства статус профессиональной организации давал право на получение некоторых бытовых льгот. В Петрограде декрет о профессиональных организациях применялся особенно жестко. В декабре 1918 г., в частности, рабочим и профессиональным организациям было разрешено закупать в других губерниях ненормированные продукты (Петроградская правда. 1918. 13 дек. С. 2). Дом литераторов, не признаваемый профессиональным объединением, этого права оказался лишен и был вынужден заключать соглашения с крупными организациями (Союз швейной промышленности, Севцентропечать), делясь с ними частью продуктов и всякий раз выпрашивая разрешение Комиссариата продовольствия (см.: Кукушкина Т.А. «Всеобъемлющий и широко гостеприимный...». Дом литераторов (1918–1922) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998/1999 г. СПб., 2003. С. 80).

⁷ Аким Львович Волинский (наст. фам. и имя Флексер Хаим Лейбович; 1861–1926) возглавлял петроградский Союз с июля 1920 по февр. 1924 г. В марте 1924 г. отказался баллотироваться в правление, мотивировав отказ «отчасти причинами принципиального характера, отчасти переутомлением и чрезмерной перегруженностью работой» (из протокола общего собрания ПО ВСП 15 марта 1924 г.: РО ИРЛИ. Ф. 291, оп. 1, № 11, л. 9).

Моисеевич Волковуский⁸ (товарищ председателя), журналист, сотрудник закрытой большевиками газеты «Биржевые ведомости», один из организаторов и руководителей Дома литераторов; Любовь Яковлевна Гуревич (1866–1940), прозаик, критик, владелица журнала «Северный вестник»; Анна Васильевна Ганзен⁹ (казначей), переводчица, член комитета Дома литераторов; М. Горький (в деятельности правления участия не принимал); Виктор Яковлевич Ирецкий¹⁰ (секретарь), прозаик, критик, член комитета Дома литераторов, заведующий его библиотекой; Евтихий Павлович Карпов (1857–1926), драматург, режиссер, член комитета Дома литераторов; Корней Иванович Чуковский, писатель, литературный критик.

Своей приоритетной задачей правление считало законодательное изменение положения литературы через специальный декрет Совнаркома и поддержание минимальных условий жизни литераторов. С самого начала пришлось заниматься организацией всей писательской жизни: заботой о хлебе насущном, выработкой тарифных ставок, определяющих оплату труда литературного работника, урегулированием отношений с издательствами, освобождением писателей от трудовой повинности, ходатайствами за арестованных¹¹, созданием независимой издательской базы и независимого печатного органа.

⁸ Николай Моисеевич Волковуский (1881 — после 1940) сотрудничал в газетах «Санкт-Петербургские ведомости», «Биржевые ведомости» (1917–1918), «Русская молва», «Утро России» (заведующий информационным отделом), «Слово». Помещал статьи по вопросам политики, общественной жизни, искусства. В ноябре 1922 г. выслан за границу на «философском пароходе», поселился в Берлине, состоял берлинским корреспондентом газеты «Сегодня» (Рига). С 1933 г. жил в Варшаве, с осени 1939 г. — в Кременце, близ Тернополя. После присоединения Западной Украины оказался на советской территории, репрессирован.

⁹ Ганзен Анна Васильевна (1869–1942) — переводчица со скандинавских языков. В 1920-е гг. принимала активное участие в деятельности многих литературных объединений Петрограда/Ленинграда: секретарь Всероссийского Общества профессиональных переводчиков-литераторов, секретарь Общества взаимопомощи литераторов и ученых (1920–1921), член комитета Дома литераторов (1920–1922), уполномоченный представитель литературных групп при Комиссии по улучшению быта ученых (1920–1923). С 1920 по 1932 г. — бессменный казначей и делопроизводитель ПО/ЛО правления ВСП, с 1928 по 1932 г. — председатель секции переводчиков ЛО ВСП и ЛО ФОСП.

¹⁰ Виктор Яковлевич Ирецкий (наст. фам. Гликман; 1888–1936) с июля 1920 г. до высылки из России в ноябре 1922 г. — секретарь ПО правления ВСП.

¹¹ Судя по протокольным записям, главными ходатаями были Н. М. Волковуский и В. Я. Ирецкий.

В первом же заседании 6 июля 1920 г. рассматривался вопрос о литературных пайках для петроградских литераторов¹², 7 июля составлялось прошение об освобождении А. С. Изгоева¹³, в октябре — об освобождении «одного из благородных и талантливых представителей публицистики» — В. А. Мякотина¹⁴, в апреле 1921 г. — А. А. Гизетти¹⁵,

¹² С мая 1918 г. все население Петрограда разделялось по классовому принципу на категории для получения продуктового пайка и прочих бытовых льгот. Литераторы как «элемент нетрудящийся» были отнесены к последней категории, которой зачастую не выдавалось ничего кроме нескольких штук сельдей (см., в частности: *Петроградская правда*. 1918. 11 авг. С. 1; Там же. 23 авг. С. 3).

¹³ Изгоев Александр Соломонович (наст. фам. Ланде; 1872–1935) — журналист, публицист, общественно-политический деятель. Член ЦК партии кадетов. В нояб. 1917 г. совместно с А. В. Тырковой издавал антибольшевистскую газету «Борьба». С нояб. 1918 по янв. 1919 г. находился на принудительных работах в Вологде. В авг. 1919 г. арестован вторично, освобожден в марте 1921 г. Петроградский Союз писателей дважды возбуждал ходатайство о его освобождении. Второй раз (15 февр. 1921 г.) — совместно с Домом литераторов, Литературным фондом и др. организациями Петрограда. В авг. 1922 г. вновь арестован как член петроградского отделения ПОМГОЛа и в ноябре выслан из России. Жил в Берлине, Праге, Париже, в сер. 1920-х гг. переехал в Эстонию.

¹⁴ Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937) — историк, публицист, общественно-политический деятель. Член ЦК Трудовой народной партии; с марта 1917 г. — член Исполкома Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов. С апреля 1918 г. — председатель московского Союза возрождения России. Арестован в авг. 1920 г. по делу Тактического центра, освобожден в апреле 1921 г. Осенью 1922 г. выслан из России. Жил в Берлине, Праге.

¹⁵ Гизетти Александр Алексеевич (1888–1938) — литературовед, критик. С 1907 г. состоял в партии эсеров. Был арестован по обвинению в участии в Кронштадтском восстании. Впоследствии неоднократно подвергался арестам (1924, 1929, 1930, 1933, 1938 гг.). В период осенней кампании 1929 г. по «делу Пильняка и Замятина» выступил на собрании ленинградского Союза 22 сент. в защиту Замятина, заявив, что «инцидент раздут» и «существуют неизбежные и неприкосновенные права личности и художественного творчества, в область которых никакая государственная или общественная власть вторгаться уже не может и не должна, если она дорожит интересами культурного развития». В последовавшей в печати «проработке» указывалось на «антисоветский, мракобесный характер» выступления Гизетти, противника реформирования Союза, к тому же — «участника кронштадтского заговора» (*Литературная газета*. 1929. 30 сент. № 24. С. 1). При перерегистрации членов Союза осенью 1929 г. это выступление послужило поводом для его исключения. Лишь после публичного покаяния он был оставлен в Союзе (объяснения Гизетти см.: *Красная газета*. Веч. вып. 1930. 25 янв. С. 4).

летом 1921 г. — Н. С. Гумилева¹⁶, в октябре 1921 г. — Ю. Л. Слезкина¹⁷, в августе 1922 г. — Замятина. Уже в августе правление обращалось в Совнарком с ходатайством об улучшении материального положения писателей. При содействии правления Союза в 1922 г. Г. В. Адамовичу, Г. В. Иванову, И. В. Одоевцевой и Н. А. Оцупу удалось получить заграничные командировки и покинуть Россию.

Избранное в октябре 1920 г. постоянное правление (А. Блок, М. Горький, Волынский — председатель, Волковыский — товарищ председателя, Ганзен — казначей, Гуревич, Ирецкий — секретарь, Замятин, А. Н. Тихонов¹⁸, Чуковский, В. Я. Шишков¹⁹; кандидаты, принимавшие участие в работе — П. К. Губер²⁰, В. А. Мазурке-

¹⁶ В сент. 1921 г. правление, по предложению Ирецкого, пыталось также получить в Губчека рукописи расстрелянного Гумилева. Обращение в Губчека поручено составить П. К. Губеру. Сведения о прохождении в Губчека обращения ВСП в архиве Союза не сохранились.

¹⁷ Слезкин Юрий Львович (псевд. Жорж Деларм; 1885; по др. свед. 1887–1947) — прозаик. С кон. 1919 до 1922 г. жил в Чернигове и Владикавказе, где руководил подотделом искусств (1920–1921), тогда же познакомился с М. А. Булгаковым; послужил прототипом одного из героев его повести «Записки на манжетах». В 1921 г. был арестован за публикацию статьи «Красная одурь» в деникинской газете (Полтава). С 1922 г. жил в Москве. См. о нем: «Пока жив, буду верить и добиваться...»: Из дневника Ю. Слезкина / Публ. Ст. Никоненко // Вопросы литературы. 1979. № 9. С. 205–227.

¹⁸ Тихонов Александр Николаевич (псевд. Серебров; 1880–1956) — прозаик, издательский деятель. В 1918–1924 гг. — заведующий издательством «Всемирная литература», впоследствии — заведующий издательствами «Круг», «Федерация», главный редактор издательства «Academia», редактор серий «Жизнь замечательных людей», «Исторические романы». Вместе с Замятиным, Чуковским, А. М. Эфросом издавал журнал «Русский современник» (1924), закрытый после выхода четвертого номера. С окт. 1920 г. по 1926 г. — член ПО/ЛО правления ВСП.

¹⁹ Шишков Вячеслав Яковлевич (1873–1945) — писатель. Состоял в правлении в 1920–1924, 1926–1929 гг.; в 1928–1929 гг. — председатель правления.

²⁰ Губер Петр Константинович (псевд. П. Арзубьев; 1881–1940; погиб в заключении) — писатель, литературовед, переводчик. Автор книг «Дон-жуанский список Пушкина» (1923), «Кружение сердца: Семейная драма Герцена» (1928), «Хождение на Восток венецейского гостя Марко Поло, прозванного Миллионщиком» (1929), критико-биографических очерков об А. Франсе (1922), Дж. Лондоне (1926) и др. В нач. 1920-х гг. входил в культурно-просветительную коллегия и экспертно-цензовую комиссию Дома литераторов. Состоял в правлении ВСП в 1920–1924 гг. Арестован в 1938 г., осужден на 5 лет ИТЛ.

вич²¹, В. Б. Шкловский²²) уже в декабре выступило с декларацией, требующей легализации «голодающей и изгнанной в подполье» русской литературы, ее юридического и экономического обеспечения, предоставления свободы печати и возможности иметь независимое издательство и печатный орган²³. В условиях непрерывного экономического и идеологического давления на интеллигенцию почти все начинания правления приобретали характер противоправительственных акций.

К моменту возникновения Союза Замятин — один из организаторов и влиятельных руководителей всех литературных объединений Петрограда, созданных дореволюционной интеллигенцией (издательство «Всемирная литература», Дом литераторов, Дом искусств), инициатор и участник многих издательских начинаний. В 1919 г. он был членом редакционной коллегии издательского товарищества СДХЛ, возглавляемого Горьким, заведовал редакцией независимого печатного органа Союза — журнала «Завтра» и вырабатывал идейную и художественную программу журнала, в основе которого, по замыслу редколлегии, должна быть «апология личного начала»²⁴. В 1920 г. входил в расширенный редакционный совет «Издательства З. И. Гржебина», в редколлегию

²¹ Мазуркевич Владимир Александрович (1877–1942) — поэт, переводчик, драматург. Входил в правление ВСП в 1920–1922 гг. Погиб в блокадном Ленинграде.

²² Писатель Виктор Борисович Шкловский (1893–1984) избирался в правление ВСП в окт. 1920 и нояб. 1921 г., но в его деятельности активного участия не принимал. С марта 1922 г. до осени 1923 г. жил за границей.

²³ Декларация опубл.: Кукушкина Т. А. Всероссийский союз писателей. Ленинградское отделение. (1920–1932). Очерк деятельности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 г. СПб., 2006. С. 131–133. В дек. 1920 г. была также составлена декларация от всего Всероссийского союза писателей с протестом против цензурной политики, адресованная наркому просвещения Луначарскому. Этот документ удалось опубликовать в издании, имеющем небольшой круг читателей, в книге П. Витязева «Частные издательства в Советской России» (Пг., 1921. С. 62–63). Это был единственный случай появления в печати документа подобного рода. Републ.: Блюм А. В. 1) За кулисами «Министерства правды»: Тайная история советской цензуры. 1917–1929. С. 271–273; 2) Протесты Всероссийского союза писателей против цензурного террора (1920–1921 гг.) / Публ. А. Блюма // Вопросы литературы. 1994. Вып. 4. С. 280–282; 3) Книговедение под цензурой // Книга. Исследования и материалы. Сб. 83. М., 2005. С. 286–287.

²⁴ Из протокола заседания литературной секции редакционной коллегии СДХЛ 9 апр. 1919 г. (РО ИРЛИ. Ф. 98, оп. 2, № 29, л. 18).

журнала «Дом Искусств». Неудивительно и его активное участие в определении основ издательской деятельности Союза писателей, направления и программы печатного органа. Уже в первые месяцы работы правление по инициативе Замятина обсуждало вопрос о независимом печатном органе Союза, а в конце 1920 г. — об издании «Литературной газеты»²⁵. 28 декабря 1920 г. Замятину вместе с Волковыским, Губером, Тихоновым поручено составить программу газеты; 4 января 1921 г. он сообщает правлению о выработанной программе; 18 января вместе с Волынским, Тихоновым, Чуковским избирается в редколлегия газеты; в апреле информирует о содержании первого номера. Принципиальным сохранением названия газеты писатели подчеркивали преемственную связь с издававшейся А. А. Дельвигом «Литературной газетой» и всей предшествующей русской литературой. Газета отвечала высоким общественным идеалам прежней эпохи в области свободы духа и представляла собой яркий протест против реакционности эпохи настоящей. В ней открыто декларировалась независимая позиция Союза, его отношение к свободе творчества. В помещенном здесь письме «В редакцию газеты “Последние новости” в Париже» правление, отвечая на упреки эмигрантской печати в забвении традиций свободы, открыто заявляло: «Правление петербургского отдела выступило перед правительством с декларацией о бесправном положении русского литератора и на первый план выдвинуло в этой декларации вопрос о свободе печати. <...> На первом публичном вечере, организуемом нами, вопрос о свободе и независимости печати будет положен в основу выступления официального представителя правления»²⁶. Письмо было написано в ответ на «Открытое письмо товарищам по Союзу писателей» секретаря бывшего Союза русских писателей П. Я. Рысса. Подобная позиция была выражена и в ряде других статей, что придавало газете программный характер. В. Ф. Ходасевич в статье «Памяти предка», напоминая читателям о судьбе дельвиговской «Литературной газеты», писал, что «молчание литературы всегда отмечает в России эпоху глубоко реакционную». Замятин в статье «Пора» призывал впустить в литературу вольный дух «непритворной критики». Р. В. Иванов-Разумник в письме в редакцию категорически опровергал слухи о его намерении вступить в РКП (б). Здесь же была помещена

²⁵ Текст газеты впервые опубли.: Устинов А., Сажин В. Ожог. К истории невышедшей «Литературной газеты» 1921 г. // Литературное обозрение. 1991. № 2. С. 95–112.

²⁶ Там же. С. 103.

статья Блока «Без божества, без вдохновения» и выдержки из писем В. Г. Короленко 1917–1919 гг., назвавшего большевистский переворот трагическим. Участвовали в газете и молодые писатели — И. Одоевцева и Б. Пильняк.

Набранный номер газеты был рассыпан по распоряжению Губчека как «нелегальный»²⁷. По свидетельству Ю. П. Анненкова, газета была закрыта по постановлению ЦК партии, «нашедшего содержание первого номера и личный состав редакции “Литературной газеты” не отвечающими требованиям политического момента»²⁸. Правление обращалось за содействием к Луначарскому, но попытки спасти газету не имели успеха. Не удалось получить и официальный ответ Губчека о причине запрета. В ноябре 1921 г. Замятин подробно информировал общее собрание Союза об издательской деятельности правления, подготовке и судьбе газеты, но сообщение в архиве Союза не сохранилось. В мае 1922 г. по предложению Замятина было решено передать корректуру рассыпанного номера в Публичную библиотеку, дабы попытка создания независимой газеты вошла в летопись русской литературы. По этому корректурному экземпляру, переданному в 1922 г. в Публичную библиотеку М. Л. Лозинским²⁹, текст «Литературной газеты» через семьдесят лет опубликовали исследователи В. Н. Сажин и А. Устинов.

Правление Союза планировало создать в организации центр, координирующий деятельность всех петроградских издательств. В 1921–1922 гг. были предприняты попытки учреждения самостоятельного издательства³⁰ и объединения вокруг Союза существующих петроградских издательств. С этой целью в мае 1921 г. был создан издательский отдел Союза и утвержден его устав³¹, разработанный Замятиным, Волынским и Волковским. Отдел получал право

²⁷ Эту информацию А. Н. Тихонов сообщил правлению 7 июня 1921 г. (РО ИРЛИ. Ф. 291, оп. 1, № 18, л. 42).

²⁸ Анненков Ю. 1) Евгений Замятин // Литературная учеба. 1989. № 5. С. 114; 2) Евгений Замятин // Дневник моих встреч. Цикл трагедий: В 2 т. Л., 1991. Т. 1. С. 242.

²⁹ См. об этом: Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина / Сост. Л. И. Бучина, М. Ю. Любимова; Предисл. и комм. М. Ю. Любимовой. СПб., 1997. Вып. 3. Ч. 2. С. 480.

³⁰ В издательскую коллегию предполагаемого издательства (не осуществлено) входили Волынский, Волковский, Губер, С. Ф. Ольденбург; от инициативной группы издателей — поэт и издатель Александр Эммануилович Беленсон (1895–1949), издательский работник Александр Евсеевич Розинер (1880–1940).

³¹ РО ИРЛИ. Ф. 291, оп. 1, № 128, л. 1.

самостоятельно определять идейное направление издательства и распоряжаться материальными средствами. Предполагалось издание и реализация книг не только в России, но и за границей. В мае 1922 г. Замятин информировал правление о возникшем новом издательстве и «его желании связаться с Союзом». В протоколах заседаний правления за май-июнь 1922 г. дважды упоминается о возобновляющемся издательстве Товарищества писателей и его намерении наладить связь с Союзом. Вероятно, вопрос не разрешился на уровне переговоров. Тактика их проведения, намеченная правлением (при участии Замятина), была ориентирована на автономные начала издательства Союза писателей.

В начале 1922 г. петроградский Союз писателей задумывал совместное с Домом литераторов издательство «Феникс». Замятин не был инициатором этого начинания, но активно участвовал в обсуждении его программы. Учредители рассматривали издательство «как организованную попытку самозащиты литературного труда»³². Планировалось участие в нем самих писателей как трудовых пайщиков, что гарантировало им оплату труда, облегчало материальное положение и ограждало издательство от приема на работу сторонних «наблюдателей». Намечался выпуск художественной литературы, книг литературно-критического, историко-литературного и общественно-научного содержания, периодических изданий. Уже готовился сборник «Отражение эпохи» со статьями М. Я. Пергаменты, А. Б. Петрищева, Ю. П. Анненкова, С. А. Золотарева, В. Б. Шкловского и книга Е. М. Браудо о духовной жизни Германии в 1921–1922 гг. Дом литераторов переуступал право издания уже разрешенного ему сборника «О “Смене веков”». Однако петроградский Госиздат в просьбе об учреждении издательства отказал³³.

Примечательно, что, существенно влияя на издательскую политику Союза, в переговорах с властями Замятин не участвовал. Эта миссия поручалась в основном Волковыскому, Тихонову, Чуковскому. Ни одно из издательских начинаний Союза не осуществилось, как не состоялись и все попытки последующих лет. Собственная литературная газета в Ленинграде («Литературный Ленинград») появилась лишь в 1933 г., когда независимый Всероссийский союз писателей уже был упразднен.

³² Из отношения Союза писателей и Дома литераторов в Госиздат о совместном издательстве (РО ИРЛИ. Ф. 98, оп. 1, № 31). Черновик написан рукой Н. М. Волковыского.

³³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 35, оп. 1, № 42, л. 68 об. Сборник «О “Смене веков”» издан в 1922 г. издательством Дома литераторов «Логос».

С весны 1921 г. Замятин активно участвовал в работе правления по организации заграничной помощи петроградским литераторам. На заседании 31 мая (Замятин присутствовал) было решено «пользоваться каждым случаем, чтобы ознакомлять (заграницу. — Т.К.) с положением русских писателей»; о бедствиях русской интеллигенции были тогда проинформированы прибывшие в Петроград финские ученые. 2 августа 1921 г. (Замятин присутствовал) принято решение об участии в работе Всероссийского комитета помощи голодающим (ПОМГОЛ)³⁴, все члены которого впоследствии подверглись репрессиям. В марте 1922 г. Замятин вместе с Чуковским выступил с инициативой выпуска сборника в пользу голодающих Поволжья (не издан), в мае был избран представителем Союза в Петроградском комитете Американской общественной благотворительной организации (ARA; American Relief Administration)³⁵. В декабре 1922 г. ему поручалось передать в ARA для распространения в зарубежной печати обращение Союза к иностранным организациям, помогающим русской интеллигенции, с просьбой о пожертвованиях в пользу нуждающихся русских литераторов (текст обращения подготовлен Ганзен).

В мае 1921 г. по докладу Замятина о тяжелой болезни Блока и необходимости срочного санаторного лечения правление намеревалось обратиться в Москву с ходатайством о разрешении выезда Блока на лечение за границу. В 1921–1922 гг. под руководством Замятина разрабатывались тарифные ставки, регламентирующие оплату труда писателя, и типовый договор авторов с издателями, регулирующий отношения с издательствами. «С выработанными правлением новыми ставками считаются в настоящее время не только частные

³⁴ Всероссийский комитет помощи голодающим учрежден 21 июля 1921 г., ликвидирован 27 авг. того же года. О его деятельности см.: *Геллер М.* «Первое предостережение — удар хлыстом (К истории высылки из Советского Союза деятелей культуры в 1922 г.)» // Вопросы филологии. 1990. № 9. С. 37–66; *Макаров В.Г., Христофоров В.С.* К истории Всероссийского комитета помощи голодающим // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 198–205.

³⁵ Соглашение с ARA об оказании продовольственной поддержки голодающим районам России подписано 21 авг. 1921 г. В течение первого года работы в Россию было отправлено 140 пароходов с продуктами и медикаментами на общую сумму 59 500 000 долларов (Петроградская правда. 1922. 22 июля. С. 1). Деятельность ARA в России была прекращена к лету 1923 г. О деятельности организации см.: *Макеев Н.* Америка — русскому народу (К годовщине работы АРА в России) // Современные записки. 1922. № XI. С. 286–292; *Weissman Benjamin.* Herbert Hoover and Famine Relief to Sovjet Russia 1921–1923. Hoover Institution Press, 1977.

издательства, но и некоторые официальные учреждения», — сообщал в 1921 г. журнал «Дом Искусств»³⁶.

Как известно, в марте 1922 г. XI съезд РКП(б) провозгласил новый идеологический курс и утвердил ленинскую программу наступления на «капиталистические элементы». С этого времени партийное руководство своей основной задачей считало активное противостояние «буржуазному» влиянию, усиление партийного влияния во всех областях культуры и разработку системы мер против вольнодумной интеллигенции, в том числе — и репрессивных.

Новый этап во взаимоотношениях партии с интеллигенцией ознаменовался в 1922 г. высылкой из России «духовной элиты»³⁷, закрытием Дома литераторов и Дома искусств и введением жесткого контроля над оппозиционным Союзом писателей. Несколько членов правления — Волковьский и Ирецкий (петроградский отдел), Ю. И. Айхенвальд³⁸, Н. А. Бердяев³⁹ и М. А. Осоргин⁴⁰ (московский

³⁶ <Замятин Е. И.>. Союз писателей // Дом Искусств 1921. № 2. С. 122. Обзор деятельности ВСП помещен в журнале без подписи. Авторство Замятина установлено А. Ю. Галушкиным. См. его комм. в кн.: *Замятин Е. Я боюсь: Литературная критика. Публикации. Воспоминания* / Сост. и комм. А. Ю. Галушкина; Подгот. текста А. Ю. Галушкина, М. Ю. Любимовой. М., 1999. С. 301.

³⁷ О высылке см.: *Геллер М.* «Первое предостережение — удар хлыстом». С. 37–66; *Коган Л. А.* «Выслать за границу безжалостно» (Новое об изгнании духовной элиты) // Вопросы философии. 1993. № 9. С. 61–84; *Макаров В. Г., Христофоров В. С.* Пассажиры «философского парохода» (Судьбы интеллигенции, репрессированной летом–осенью 1922 г.) // Вопросы философии. 2003. № 7. С. 113–137; Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК — ГПУ. 1921–1923 / Сост., вст. ст. В. Г. Макарова, В. С. Христофорова; комм. В. Г. Макарова. М., 2005.

³⁸ Айхенвальд Юлий Исаевич (псевд. Б. Каменецкий; 1872–1928) — литературный и театральный критик, переводчик. Секретарь журнала Московского психологического общества «Вопросы философии и психологии», сотрудничал в газетах «Русская мысль», «Русские ведомости». Активный сторонник духовной автономии личности (см. его кн. «Похвала праздности»: [Сб.]. М., 1922). После высылки из России в сент. 1922 г. обосновался в Берлине, возглавлял литературно-критический отдел газеты «Руль» (1922–1928).

³⁹ Бердяев Николай Александрович (1874–1948) — философ, литератор, публицист, общественный деятель. Организатор и руководитель московской Вольной академии духовной культуры (1918–1922), с 1918 г. — вице-президент московского Союза писателей. Выслан в сент. 1922 г.

⁴⁰ Осоргин Михаил Андреевич (наст. фамилия — Ильин; 1878–1942) — прозаик, публицист. Член партии эсеров (с 1904). В 1918 г. — один из организаторов московского Союза писателей, Всероссийского Союза журналистов. В 1921 г. арестован как участник Всероссийского комитета помощи голодающим

отдел) — были высланы из России. Как известно, высылка Замятина, арестованного 17 августа, благодаря заступничеству друзей и литературной общественности, была отложена, но дело закрыто лишь 8 августа 1924 г.⁴¹

От имени петроградского Союза писателей за арестованных ходатайствовали находившиеся в городе (был период летних вакансий) Волынский и Ахматова. Об этом документе, подшитом в «дело» Замятина, упоминают исследователи Т. Лахузен, Е. Максимова, Э. Эндрюс и Г. Файман⁴². В архиве Союза сохранилась неподписанная копия (отпуск) запроса в ГПУ от 2 сентября 1922 г.: «Начальнику Петроградского отдела Г.П.У. Петроградский отдел Всероссийского Союза писателей просит Вас принять А. А. Ахматову и А.Л. Волынского по делу о выяснении вопроса, будут ли высылаемые члены Союза писателей Замятин, Петрищев, Изгоев, Харитон и Волковоский освобождены на несколько дней для устройства личных дел. Председатель правления; члены правления; член правления — секретарь»⁴³.

В защиту Замятина выступило и издательство «Всемирная литература»; сохранилась копия телеграммы А. К. Воронскому: «Замятин без перемен. Хлопочите. Тихонов»⁴⁴. По свидетельству Волковоского, к Л. Б. Каменеву, в то время заместителю председателя Совнаркома и председателю Моссовета, обращались и «Серапионовы братья»⁴⁵. Перечислим лишь основные вехи этой двухлетней истории «отъезда

и редактор издаваемого Комитетом бюллетеня «Помощь». После высылки в сент. 1922 г. жил в Париже, печатался в газетах «Дни», «Последние новости».

⁴¹ Об истории ареста и несостоявшейся высылки Замятина см.: Е. И. Замятин. Письмо А. К. Воронскому: К истории ареста и несостоявшейся высылки Евгения Замятина в 1922–1923 гг. / Публ., сопровождает. текст и прим. А. Ю. Галушкина // *De Visu*. 1992. № 0. С. 12–13; *Лахузен Т., Максимова Е., Эндрюс Э.* О синтетизме, математике и прочем... Роман «Мы» Е. И. Замятина. СПб., 1994. С. 104–109; *Любимова М. Ю.* «Высылка отсрочена до особого распоряжения...»: Документальные штрихи к биографии Евгения Замятина // *Всемирное слово*. СПб., 1996. № 9. С. 71–73; *Галушкин А. Ю.* У «Зеленой стены». Евгений Замятин в задержанной эмиграции // *Русская мысль = La Pensée Russe*. Париж. 1997. № 4191–4194 (2–29 окт.). С. 10; *Файман Г.* «И всадили его в темницу...». Замятин в 1919, в 1922–1924 // *Новое о Замятине: Сб. материалов* / Под ред. Л. Геллера. М., 1997. С. 78–88.

⁴² *Лахузен Т., Максимова Е., Эндрюс Э.* О синтетизме, математике и прочем. С. 106–107; *Файман Г. С.* «И всадили его в темницу...». С. 85.

⁴³ РО ИРЛИ. Ф. 291, оп. 1, № 99, л. 10.

⁴⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 46, № 58, л. 435.

⁴⁵ Сегодня (Рига). 1937. 19 марта. Сведения приведены по статье А. Ю. Галушкина «У «Зеленой стены»» // *Русская мысль*. 1997. 9–15 окт. № 4192. С. 10.

неотъезда» Замятина. После освобождения из тюрьмы, осознавая невозможность для себя жизни в России, он начинает хлопоты об отъезде. В феврале 1923 г. получает разрешение на выезд и заграничный паспорт. В середине марта подает прошение в ГПУ об отсрочке отъезда до начала навигации в середине мая⁴⁶. Полученная отсрочка отодвинула отъезд на неопределенный срок. Все лето и начало осени 1923 г. Замятин безрезультатно пытается навести справки о состоянии своего дела и, по-видимому, к середине осени 1923 г. решает остаться в России⁴⁷. Он продолжает работать в издательстве «Всемирная литература» и в правлении Союза писателей. Бывая в Москве по делу о своем отъезде, наводит справки о легализации Союза и утверждении устава в НКВД, о чем дважды, в декабре 1922 и феврале 1923 г. сообщает правлению. 8 декабря 1922 г. участвует в заседании московского отдела правления ВСП, избирается в делегацию (вместе с И. А. Новиковым, Б. Пильняком, А. Н. Тихоновым и А. М. Эфросом)⁴⁸ к Каменеву для обсуждения действий цензуры. Власть и с отъездом не торопила, и остаться не позволяла. При этом пыталась изолировать его от литературного сообщества. Дважды, в декабре 1922 и мае 1923 г., НКВД требовал исключения Замятина из Союза писателей. Дважды правление отстаивало одного из своих лидеров. Обстоятельства работы Замятина в правлении Союза в этот период — одна из страниц в летописи противостояния петроградских литераторов диктату официальной власти. В архиве петроградского Союза хранится выписка из письма НКВД Всероссийскому Союзу писателей (Москва) от 28 декабря 1922 г., сделанная секретарем московского отдела А. Соболев⁴⁹:

⁴⁶ Текст прошения опубли.: *Файман Г.* «И всадили его в темницу...». С. 86–88.

⁴⁷ См. об этом в публикации А. Ю. Галушкина: Е. И. Замятин. Письмо А. К. Воронскому. С. 18.

⁴⁸ Прозаик, поэт, драматург Иван Алексеевич Новиков (1877–1959), писатель Борис Андреевич Пильняк (наст. фамилия — Вогау; 1894–1938), поэт, искусствовед Абрам Маркович Эфрос (1888–1954) в указанный период состояли в правлении московского отделения ВСП; А. Н. Тихонов — в правлении петроградского отделения.

⁴⁹ Соболев Андрей (наст. имя — Соболев Юлий Михайлович; 1888–1926) — прозаик. В 1906 г. за революционную деятельность был приговорен к каторжным работам, в 1909 г. бежал с поселения за границу. В начале 1915 г. нелегально вернулся в Россию. Первый рассказ опубликовал в 1914 г. в журнале «Русское богатство». В 1922–1923 гг. — секретарь Московского отдела правления ВСП. В июне 1926 г. покончил с собой. «Андрей Соболев погиб, запутавшись в сомнениях и противоречиях всей многообразной жизни, — но не в противоречиях чести и совести. Он жил и умер чистым и честным...», — вспоминал о нем М. Осоргин (см. в его книге: «Воспоминания. Повесть о сестре». Воронеж, 1992. С. 246).

«НКВД сообщает, что устав Вашего Союза может быть утвержден при следующих условиях: а) исключения из состава Правления и членов Общества лиц: Н. А. Бердяева, Ю. И. Айхенвальда, М. А. Осоргина, Н. М. Волковыского, Е. И. Замятин, В. Я. Ирецкого и А. М. Редько⁵⁰. С подлинным верно. Секретарь А. Соболев»⁵¹.

По распоряжению НКВД от 12 октября 1922 г. (№ 321) Союз и его устав подлежали регистрации в НКВД, ежемесячно в Губисполком и НКВД должны были представляться сведения о деятельности, согласовываться списки членов Союза и состав правления. Впервые в истории русской литературы государство предписывало писателям, кто может быть членом писательского содружества, а кто — нет. На первое предписание правления обоих отделов, по-видимому, ответили скрытым протестом. Судя по тому, что в письме упомянуты литераторы, высланные из России в сентябре (московская группа) и ноябре (петроградская) 1922 г., можно предположить, что оба отдела в начале осени отправили в НКВД списки правления с именами высылаемых властью, но не исключенных писательским сообществом членов правления. Петроградским отделом вопрос об исключении не поднимался ни в 1922 г., ни в последующие годы. Лишь однажды, в заседании 24 октября 1922 г. (впервые после ареста присутствовал Замятин) было решено «ввиду отъезда из Петрограда Волковыского избрать второго представителя от Союза в пайковую комиссию при Акцентре».

Из перечисленных в письме НКВД лиц в России оставались Замятин, в ноябре-декабре усиленно добивавшийся разрешения на выезд⁵², и Александр Мефодьевич Редько. Как и Замятин, он был среди членов-учредителей Петроградского отдела ВСП, вступил в Союз при его основании, его имя упоминается в предварительном списке кандидатов во временное правление, но в его состав не вошел. В ноябре 1921 г. был избран в правление, но в работе не участвовал и ни на одном заседании не присутствовал. Возможно, Редько также был намечен к высылке⁵³. Основания для этого у официальной власти

⁵⁰ Редько Александр Мефодьевич (1866–1933) — литературный критик, сотрудник журнала «Русское богатство», автор книг «Литературно-художественные искания в конце XIX — начале XX века» (1924), «Театр и эволюция театральных форм» (1926).

⁵¹ РО ИРЛИ. Ф. 291. оп. 1, № 39, л. 3.

⁵² В дек. 1922 г. Замятин был принят Л. Б. Каменевым. См. об этом в публикации А. Ю. Галушкина: Е. И. Замятин. Письмо А. К. Воронскому. С. 18.

⁵³ Списки высылаемых несколько раз менялись, в современных исследованиях приводятся разные цифры. По последним данным список кандидатов на высылку состоял из 228 имен (Макаров В. Г., Христофоров В. С. Пассажиры «философского парохода». С. 114).

были. Он входил в руководство литературных организаций, отнюдь не лояльных советской власти, с первых дней ее существования участвовал во многих акциях протеста, был одним из организаторов митинга в защиту свободы печати, устроенного 26 ноября 1917 г. Союзом русских писателей. В «Газете-протесте Союза русских писателей» была помещена его статья «О бурбонах». В 1918 г. он входил в совет Союза русских писателей (заседания совета устраивались в квартире Редько), был одним из авторов устава и декларации Союза; в 1919 г. возглавлял Объединенный Союз профессиональных литературных организаций; в 1919–1921 гг. состоял в комитете Дома литераторов. Настроения Редько этого периода, обеспокоенность судьбой русской литературы проявились и в его выступлениях на митингах «Трагедия русской интеллигенции» в марте и мае 1918 г., и в публикациях на ту же тему в оппозиционном «Вестнике литературы»⁵⁴. Вопрос о дальнейшем пребывании Редько в Союзе пока остается неясным. В документах ВСП не сохранились свидетельства, по собственной ли воле он в течение нескольких лет не участвовал в работе Союза, или правление все же пошло на уступку, исключив его из состава Союза. Так или иначе, в списках Союза, вплоть до его повторного вступления в марте 1927 г., он не значился. В январе 1932 г., в ходе очередной «чистки» Союза, Редько был исключен как «не связанный с литературно-творческой работой Союза»⁵⁵.

Таким образом, существование всего Союза писателей в значительной степени ставилось в зависимость от пребывания в нем Замятина. В архиве петроградского Союза нет сведений об официальном ответе правления на декабрьское письмо НКВД, но негативная реакция правления и всего Союза очевидна. В январе 1923 г. Замятин был вновь намечен в состав будущего правления, но созыв общего собрания шесть раз откладывался «до утверждения устава» и «уведомления о регистрации» Союза. Устав был утвержден в НКВД 21 февраля 1923 г. 23 марта, за несколько дней до общего собрания и выборов нового правления, петроградский Союз представил документы на регистрацию в Отдел управления Губисполкома.

По-видимому, не желая обострять ситуацию, правление решило «припрятать» Замятина. Вместо списка правления по требуемой форме (с анкетными сведениями) был подан обычный список-перечень прежнего правления (с Замятиным) с указанием на истечение срока полномочий, и список лиц, намеченных в новое правление

⁵⁴ См. его статьи «Литературные перспективы» (Вестник литературы. 1921. № 3. С. 1–3) и «Судьбы русской литературы» (Там же. № 12. С. 10–11).

⁵⁵ РО ИРЛИ. Ф. 291, оп. 1, № 494, л. 48 об., 52 об.

(без Замятина). 3 апреля на документе появилась резолюция представителя Губисполкома: «Ожидать, т<ак> к<ак> нет адреса отделения Союза в Петр<огра>де и списка правления по установленной форме». 19-м апреля датирована новая приписка заведующего Столом регистрации Административного подотдела Отдела управления Губисполкома: «Один экз<емпляр> списка и Устава в ГПУ на просмотр и на комиссию»⁵⁶.

Между 23 марта, датой подачи документов на регистрацию, и 19 апреля, датой последней резолюции Губисполкома, состоялось общее собрание петроградского Союза писателей (29 марта). О значении, которое придавалось в Союзе этому собранию, свидетельствует такой факт: чтобы обеспечить максимальную явку членов Союза, правление, не имевшее в тот момент союзных денег для рассылки повесток, собирало по десять рублей с члена правления. Реакция членов Союза, несомненно, знавших о возможном отъезде Замятина и требовании НКВД, была вполне определенной. Замятин в очередной раз подавляющим большинством голосов (48 из 54) был избран в состав правления, 10 апреля 1923 г. — в литературную комиссию правления.

Не получив санкции Губисполкома на регистрацию отдела до общего собрания и выборов Замятина, правление было вынуждено 18 апреля представить в Губисполком новый пакет документов с анкетным списком законно избранного правления, включавшим и Замятина. Очевидно, по получении этого списка и появилась резолюция от 19 апреля 1923 г. Неудивительно, что через месяц НКВД во второй раз попытался отстранить Замятина от работы в Союзе. 25 мая правление московского Союза сообщало петроградским коллегам: «В виду того, что пока не аннулировано постановление Наркомвнудела относительно Е. И. Замятина, Московский отдел правления Всерос<сийского> Союза писателей настоящим извещает Петербургский отдел правления, что в представляемый список членов Петербургского отдела правления Е. И. Замятин войти не может. О восстановлении Е. И. Замятина в его правах вопрос в Наркомвнуделе нами возбужден. Анкета должна быть подписана председателем и секретарем Петербургского отдела. Соблаговолите препроводить ее нам. Секретарь А. Соболев»⁵⁷.

Ответ, составленный председателем правления Волынским и одобренный всеми членами правления в экстренном заседании 15 июня 1923 г. (Замятин присутствовал), характерен для позиции

⁵⁶ ЦГА СПб. Ф. 1001, оп. 6, № 190, л. 2.

⁵⁷ РО ИРЛИ. Ф. 291, оп. 1, № 39, л. 29.

петроградского отдела Союза, в течение многих лет упорно отстаивавшего демократическую природу литературной общественности, достоинство личности, защищавшего каждого из своих членов: «Представляя анкетные листы членов правления петроградского отдела Всероссийского Союза писателей, правление почитает долгом оговорить нижеследующее: Выборы правления состоялись 29 марта 1923 года на общем собрании входящих в Союз писателей с соблюдением всех установленных на этот счет правил, причем ни бывшее правление, ни общее собрание не были положительно осведомлены, что состав избираемых членов нового правления подлежит тем или иным ограничениям. Составившийся таким образом список членов правления представляется при сем для сообщения в соответствующие места и учреждения. Осведомившись лишь ныне о том, что избрание Е. И. Замятина противоречило предположениям руководящих правительственных инстанций, правление признает необходимость высказать следующие соображения. Оно никаким образом и ни в каком отношении не солидаризируется ни с одним из своих членов ни в чисто литературном, ни в гражданственно-политическом, ни в научно-философском смысле. В настоящем своем составе правление, крайне разнообразное и разнохарактерное, представляет собою энциклопедическую мозаику, обеспечивающую беспристрастно-терпимое и всестороннее обследование нужд и жизни современной литературы. Русская литература достаточно натерпелась в своей среде, в собственных своих берегах от всевозможных видов засилья и ныне, в тяжелых условиях материального существования, полна желаний утвердиться на истинно культурном пути согласного сотрудничества всех работников художественного слова и построительно-творческой мысли. Объективно лояльная позиция правления и гарантируется именно этим драгоценным разнообразием его состава, где труд представляется в своей чистой форме, совершенно изъятый от сторонних воздействий отдельных идеологов литературной секунды. Даже Достоевский и Л. Н. Толстой не могли бы претендовать больше, чем на один голос в совещательном органе, призванном коллективно блюсти интересы писательского существования. Не имея формального права кассировать со своей стороны состоявшихся совершенно лояльно выборов, и руководствуясь, с другой стороны, вышеизложенными принципиальными соображениями, правление просит, приняв это во внимание, дать представляемым листам законный ход. 1 июня 1923. А. Волынский»⁵⁸.

⁵⁸ РО ИРЛИ. Ф. 291, оп. 1, № 39, л. 30.

По-видимому, события предшествующих месяцев и неопределенность положения Замятина все же повлияли на позицию правления. В июне-июле 1923 г. из Москвы приходили противоречивые сведения о возможности его отъезда за границу. «От Тихонова было письмо в понедельник, где он сообщает о разговоре Абр<ама> Эфроса с Каменевым и Лидина с Воронским. Все это как будто говорит (пока), что придется ехать», — сообщал Замятин жене⁵⁹. Отсылку подготовленных анкет задержали «до информации из Москвы». Правление даже запрашивало московский отдел, все ли члены правления могут рассчитывать на официальное признание, и соглашалось, в случае необходимости, переизбрать правление. Вероятно, такая осторожность диктовалась желанием сохранить организацию в сложной ситуации.

Сведения о дальнейшем прохождении в НКВД отосланных анкет в архиве ВСП отсутствуют. Было ли правление все же утверждено в полном составе или Союз в очередной раз заслушался приказа Москвы, оставив Замятина в правлении, пока остается неясным. 23 октября, после летнего перерыва, Замятин уже присутствовал на заседании и в дальнейшем активно участвовал в организации литературных собраний и вечеров Союза. 15 марта 1924 г., еще до прекращения ГПУ дела Замятина (8 августа 1924 г.), он вновь был избран в правление. В 1923–1924 гг. он присутствовал почти на всех заседаниях, возглавлял комиссию по организации литературных вечеров. 15 мая 1924 г. в связи «с перегруженностью работой и недостатком свободного времени»⁶⁰ по собственному желанию вышел из правления, но продолжал работу в литературной комиссии. В 1925 г. по той же причине Замятин в правление не избирался.

В феврале 1926 г. Замятин вновь вошел в правление Союза, а в 1927 г., во время продолжительной болезни председателя правления Ф. Сологуба, Замятин и К. А. Федин⁶¹ (оба — заместители

⁵⁹ Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина. Вып. 3. Ч. 1. С. 240.

⁶⁰ В это время писатель был занят в редакции журнала «Русский современник», завершал работу над пьесой «Блоха», постановка которой готовилась в Ленинградском Большом драматическом театре. Цитируемый фрагмент его заявления (в архиве не обнаружено) приведен в протоколе заседания президиума правления 15 мая 1924 г. (РО ИРЛИ. Ф. 291, оп. 1, № 27, л. 1).

⁶¹ Федин Константин Александрович (1892–1977) — писатель. В нач. 1920-х гг. — член литературной группы «Серапионовы братья», ученик Замятина в литературной студии Дома искусств. Состоял в правлении с 1923 г.; в 1926–1929 гг. являлся заместителем председателя правления; вышел из его состава в сент. 1929 г. в знак протеста против исключения из Союза Замятина.

председателя) фактически попеременно руководили Союзом писателей. Середина 1920-х гг. в истории ленинградского Союза — период самой интенсивной творческой внутрисоюзной работы и разноплановой организационно-хозяйственной деятельности. Сологуб, не принимавший большевистскую власть, надеялся так устроить внутрисоюзную жизнь, чтобы организация могла существовать без надзора и покровительства власти. «Он был сторонником строго замкнутой, профессиональной жизни Союза и не сочувствовал выходу на политическую арену», — вспоминал секретарь правления М. В. Борисоглебский⁶². В эти годы Союз стал центром литературной жизни Ленинграда. Частые литературные вечера с чтением новых произведений собирали большие аудитории; профессионализм членов Союза и атмосфера внутренней свободы привлекали в его ряды и представителей других организаций, в том числе и Ленинградской ассоциации пролетарских писателей. Всей тактикой поведения, особенно в первые годы руководства Сологуба, организация демонстрировала индифферентность к событиям социально-политической жизни, в подтексте которой — скрытое неприятие нового режима. Пролетарская критика и характеризовала ленинградский Союз, возглавляемый «внутренним эмигрантом» Сологубом, как организацию, держащуюся «на традициях дореволюционной, “самостоятельной”, надклассовой, т. е. буржуазно-дворянской русской литературы», как «объединение носителей “тайны и веры”, не желающих стать под определенное классовое знамя в вопросах культуры»⁶³, с которыми солидаризуется и союзная молодежь, попутчики.

Единство литературных поколений в понимании искусства как особой сферы человеческой деятельности и права художника на собственное «внутреннее зрение» отчетливо проявилось в дискуссии о критике, развернувшейся на страницах печати в 1926 г.⁶⁴ На литературных собраниях Союза (21 мая и 4 июня) писатели «с удивительным единодушием», как отмечали пролетарские оппоненты, дали отпор

⁶² Павлова М. М. М. В. Борисоглебский и его воспоминания о Федоре Сологубе // Русская литература. 2007. № 2. С. 107.

Прозаик Михаил Васильевич Борисоглебский (наст. фамилия — Шаталин; 1896–1942) в 1925–1927 гг. — ответственный секретарь ЛО правления ВСП.

⁶³ Горбачев Г. О «Левом блоке» в литературе и попутно о походе умного Зонина на глупого Лелевича // Жизнь искусства. 1926. № 22. 1 июня. С. 9.

⁶⁴ Материалы дискуссии печатались в журналах «Жизнь искусства» (Ленинград) и «Журналист» (Москва) в течение всего 1926 г. См. подробнее: Корниенко Н. В. «Нэповская оттепель»: Становление института советской литературной критики. М., 2010. С. 331–481.

претензиям официальной критики на контроль над литературой. Сологуб произнес тогда речь о критиках-«марксятах», а «литературный заказ» сравнил с раздачей писателям пайков от КУБУ, в которых иногда бывали ботинки: хорошие ботинки, да вот беда, оба — на левую ногу⁶⁵. Федин в своем выступлении утверждал, что «писатель должен жить помимо критики», «слышать», но «не слушаться ее», и что «художнику нельзя делать заказа»⁶⁶. А когда «у стакана и кафедр» появился Е. Замятин, — резюмировал один из «неистовых ревнителей», — для пощады, действительно, не осталось ни времени, ни места»⁶⁷.

Сплоченный демарш писателей дореволюционных и попутчиков, затронувший принципиальную тему свободы творчества, вызвал в печати кампанию шельмования «новобуржуазного» Союза и руководителей обоих отделов, Сологуба, Замятина, Эфроса, представителей «буржуазной идейной реакции», захватывающих «организационное и политическое руководство массой “попутчиков” через ВСП»⁶⁸. На страницах журнала «Жизнь искусства» рапповцы характеризовали Замятина как «сменовеховца», «знамя реакционных писателей»⁶⁹, «эмигранта», пребывающего «в составе неизменной формулы “Эфрос, Замятин, Булгаков”»⁷⁰, и призывали «вырвать» попутчиков «из-под влияния агентов буржуазии»⁷¹, и тогда «Сологубам, Замятиным и Булгаковым останется только уложить их идеологические чемоданы»⁷².

Шквал агрессии, обрушенный «неистовыми ревнителями» на руководство Союза писателей, имел и другой подтекст. Весь 1926 г. в печати обсуждалось создание Федерации объединений советских

⁶⁵ Селиванов Арк. Писатели и критики (Диспут в Союзе писателей) // Красная газета. Веч. вып. 1926. 5 июня. С. 3. В архиве Союза писателей сведения об этих вечерах не сохранились.

⁶⁶ Б. [В. Блюменфельд]. Писатели говорят // Жизнь искусства. 1926. № 22. 1 июня. С. 10.

⁶⁷ Там же. С. 11.

⁶⁸ Горбачев Г. О «Левом блоке» в литературе и попутно о походе умного Зонина на глупого Лелевича. С. 8.

⁶⁹ Зонин А. О сути спора и полемических приемах сводных братьев мистера Бритлинга // Жизнь искусства. 1926. № 24. 15 июня. С. 4.

⁷⁰ Б. <В. Блюменфельд>. На вернисаже Союза писателей в Акфилармонии // Там же. № 20. 18 мая С. 11.

⁷¹ Горбачев Г. О «Левом блоке» в литературе и попутно о походе умного Зонина на глупого Лелевича. С. 8.

⁷² Зонин А. О сути спора и полемических приемах сводных братьев мистера Бритлинга. С. 4.

писателей (ФОСП)⁷³, прообраза будущего единого Союза советских писателей, и организациям предстояло прийти к определенному консенсусу. Пролетарские организации, претендовавшие на руководство литературой, отнюдь не собирались делить власть с сильным, «классово-враждебным» Союзом писателей. «Эх, не страшен никому этот самый Авербах ни с мечом, ни с пальмой, нервы у Замятиных достаточно крепкие и от вида Авербахова в бегство они не обратятся», — предостерегал руководство ВАПП Георгий Горбачев, нетерпимый, почти фанатичный противник попутнического Союза писателей⁷⁴. «Не может быть ни идейного, ни творческого блока Жарова с Замятиным и Лавренева с Сологубом. Попутчикам придется выбирать — ничего не поделаешь», — вторил ему поэт Безыменский⁷⁵.

В ленинградском Союзе писателей к федеративному объединению относились иначе. Нэповская оттепель и некоторая «вольная», полученная попутчиками от партии в 1925 г., породила в их среде немало иллюзий. Первоначально Федерация воспринималась ими как структура для совместной защиты общеписательских интересов, не посягающая на суверенитет литературных организаций. В создании ленинградской ФОСП существенная роль как раз и принадлежала Союзу писателей. Правление даже задумывало учредить в Ленинграде центр всей Федерации, что позволило бы оказывать влияние и на общелитературный процесс. Не исключено, что такие широкомасштабные замыслы подпитывались и общеполитической ситуацией середины 1920-х гг.: борьбой за власть в партийных рядах, формированием в Ленинграде партийной оппозиции, расколом в руководстве пролетарской ВАПП. Правление Союза явно торопилось с созданием Федерации в Ленинграде: уже в июне 1926 г. были

⁷³ См.: Федерация объединений советских писателей и ее Ленинградское отделение (1926–1932 гг.) / Публ. А. И. Павловского // Из истории литературных объединений Петрограда–Ленинграда 1910–1930-х годов: Исследования и материалы. СПб., 2002. Кн. 1. С. 362–374; Кукушкина Т. А. Федерация объединений советских писателей (Ленинградское отделение). Фонд 492 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 г. (в печ.).

ФОСП — надстроечная структура, объединявшая основные литературные организации. Учредители — ВАПП, ВСП, ВОКП (Всероссийское объединение крестьянских писателей). Учреждена 27 дек. 1926 г. На опыте работы ФОСП постепенно вводилась административная система руководства литературой, отрабатывалась модель будущей единой писательской организации.

⁷⁴ Горбачев Г. О «Левом блоке» в литературе и попутно о походе умного Зонина на глупого Лелевича. С. 8.

⁷⁵ [Ответ на анкету о ФОСП] // Жизнь искусства. 1926. № 46. 16 ноября. С. 17.

выработаны основные положения устава, поддержанные затем всеми ленинградскими организациями, и учреждена она была двумя месяцами ранее московской Федерации, в октябре 1926 г.

Первое время деятельность ЛО ФОСП в значительной степени определялась представителями Союза писателей и на заседаниях правления проблемы Федерации обсуждались едва ли не чаще, нежели собственные. Существенная роль в создании ленинградской ФОСП принадлежала Федину. Представление о позиции Замятина дает его ответ на анкету журнала «Жизнь искусства»: «Есть одно скромное, но необходимое условие для возможности общей работы: плевать в свой носовой платок, а не в своих соседей. Всем, входящим в федерацию, такое условие, волей-неволей, придется выполнить. И уже по одному этому федерация полезна: она будет прекрасным педагогическим фактором. Приемлемые организационные основы объединения — очень вразумительно и ясно изложены моими товарищами по правлению Всероссийского Союза Писателей; повторять — нет необходимости»⁷⁶. В 1927 г. Замятин вместе с Фединым, М. Э. Козаковым⁷⁷, П. Н. Медведевым⁷⁸, Борисоглебским был избран в совет Федерации и редколлегию предполагавшегося издательства ленинградской ФОСП. Надо сказать, тактический ход Союза писателей принес свои плоды, и в ленинградской Федерации влияние попутнического Союза вплоть до конца десятилетия было достаточно сильным.

В середине 1920-х гг. Замятин возглавлял также конфликтную комиссию Союза (бывший суд чести), состоял в различных комиссиях по организации юбилеев и чествований памяти писателей. В ноябре 1926 г. по поручению правления составлял предисловие к сборнику памяти Волынского⁷⁹. После кончины Сологуба (декабрь 1927 г.) в течение первых трех месяцев 1928 г. возглавлял временное правление, избранное «до приезда отсутствующих членов правления» (заместитель Замятина в этот период — А. Н. Толстой⁸⁰;

⁷⁶ Там же. № 45. 9 нояб. С. 17.

⁷⁷ Козаков Михаил Эммануилович (1897–1954) — прозаик. Входил в состав правления с 1926 г., после выхода Замятина из правления в мае 1929 г. сменил его на посту заместителя председателя правления, в 1932 г. — последний председатель правления.

⁷⁸ Медведев Павел Николаевич (1891–1938) — литературовед, критик. В 1924, 1926–1928, 1930 гг. — член правления Союза писателей.

⁷⁹ Памяти Акима Львовича Волынского / Под ред. П. Н. Медведева. Л., 1928. Предисловие подписано Ленинградским отделением правления ВСП.

⁸⁰ Писатель Алексей Николаевич Толстой (1882–1945) избирался в правление ленинградского Союза в 1924, 1927 и 1928 гг.; был заместителем председателя правления (1924, 1928).

в конце марта председателем правления избран Шишков). В 1928 г. входил в комиссии по организации вечера памяти Ф. Сологуба⁸¹ (все организационные хлопоты по устройству вечера взяла на себя Л. Н. Замятина) и подготовке сборника памяти Сологуба (не осуществлен). В том же году Замятину поручалась организация встречи М. Горького в Ленинграде и его прием в ЛО ВСП (не состоялся). 28 января переломного 1929 г. он вновь был единогласно избран в состав правления.

Всероссийский союз писателей, с его многообразием творческих индивидуальностей и независимой позицией, на протяжении всего десятилетия был основным препятствием на пути создания утилитарной «советской» литературы и ее перехода в ведение государства. Против этой организации, единственной из всех существовавших, была направлена разгромная кампания 1929 г., в результате которой под видом реорганизации была коренным образом изменена ее первоначальная программа. В середине 1929 г. в печати началась очередная травля активных и независимых руководителей Союза, непосредственно — Замятина. 2 мая в однодневной «Литературной газете», выпущенной ЛенОТГИЗом и ЛО ФОСП ко дню печати, появилась подборка оскорбительных эпиграмм на ряд писателей (Е. И. Замятина, М. М. Зощенко, В. П. Катаева, В. Г. Лидина, В. М. Саянова, Л. Н. Сейфуллину, М. Ф. Чумандрина)⁸². Особенно зловеще, как политический приговор, звучала эпиграмма на Замятина: «Тип — Замятин. / Род — Евгений. / Класс — буржуй. / В селе — кулак. / Результат перерождений. / Сноска: враг». Автором эпиграмм был поэт Александр Ильич Безыменский, член правления РАПП, затем — ВАПП, занимавший непримиримую позицию по отношению к писателям-попутчикам. На следующий день, 3 мая, Замятин написал заявление о выходе из состава правления: «В Ленинградский отдел Правления В<сероссийского> с<оюза> п<исателей>». Ленинградским отделом Федерации писателей (совместно с Ленотгизом) 2 мая сего года выпущена однодневная «Литературная газета». Среди прочего материала в «Литературной газете» помещена «эпиграмма» Безыменского по моему адресу.

⁸¹ См.: Ф. Сологуб и Е. И. Замятин. Переписка / Вст. ст., публ. и комм. А. Ю. Галушкина, М. Ю. Любимовой // Незданный Федор Сологуб: Стихи. Документы. Мемуары / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 387–388.

⁸² Литературная газета: Однодневная газета ко дню печати. 1929. 2 мая. С. 6. Об этом эпизоде см. также: Любимова М. Ю. Е. И. Замятин и Б. А. Пильняк: Материалы к биографиям // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры: Сб. науч. трудов / РНБ. СПб., 1994. С. 102–103.

Политический донос — пусть даже и рифмованный — остается политическим доносом: именно к этому новейшему литературному жанру принадлежит “эпиграмма” Безыменского. То, что думает обо мне Безыменский — ни в коей мере меня не волнует; то, что бесчисленные безыменские печатают обо мне в казенных изданиях — никак меня не задает; но то, что в данном случае донос помещен в газете писательской Федерации — совершенно меняет дело. В Федерацию входят мои товарищи по Союзу; в редактировании “Литературной газеты” участвовали мои товарищи по правлению Союза; на информации Безыменского поставлена печать Всероссийского Союза Писателей. Думаю, что писатели, члены ВСП, которым пришлось подписывать к печати донос на товарища по правлению Союза — были в положении довольно неловком. Чтобы впредь этой неловкости не было — я вижу только один выход: настоящим заявлением я слагаю с себя звание члена правления ВСП»⁸³.

Президиум правления ВСП в заседании 5 мая (присутствовали Шишков, Федин, Козаков, Л. И. Раковский⁸⁴, Ганзен) категорически осудил появление всех эпиграмм и особенно — эпиграммы на Замятина как «клеветнической, безответственной, и порочащей его как советского гражданина», и потребовал от ЛО ФОСП дать оценку инциденту. Принятое постановление планировалось поместить в «Литературной газете», что было поручено Федину, Козакову и Е. М. Лаганскому⁸⁵, но в печати оно не появилось. Секретариат ЛО ФОСП обсудил постановление ВСП лишь через неделю, 13 мая, но отложил решение до ближайшего заседания исполбюро ФОСП. В течение полутора месяцев ситуация утрясалась между канцеляриями ВСП и ФОСП, медлившей с окончательными выводами. 30 мая правление обратилось с письмом к Замятину, содержащим высокую оценку его работы в правлении и просьбу «продолжать нести обязанности члена правления»: «Глубокоуважаемый Евгений Иванович. Ленинградский отдел правления ВСП ознакомился с Вашим письмом от 3 мая с<его> г<ода> по поводу помещения в однодневной литературной газете “злых эпиграмм” Безыменского и чрезвычайно сожалеет, что Вам не была известна полная не-причастность ВСП к помещению в газете указанных эпиграмм.

⁸³ РО ИРЛИ. Ф. 291, оп. 1, № 57, л. 1.

⁸⁴ Раковский Леонтий Иосифович (Осипович; 1896–1979) — прозаик. Состоял в правлении Союза в 1928–1931 гг., в 1928–1929 гг. — секретарь правления.

⁸⁵ Лаганский Еремей Миронович (наст. фамилия — Магазинер; 1887–1942) — прозаик, журналист. В 1926–1930 гг. — член правления ВСП. В кон. 1920-х гг. — председатель правления Литфонда.

По категорическому заявлению делегата ВСП в редакционной коллегии газеты Л. Раковского, “злые эпиграммы” вовсе не были представлены ему для апробации, и он, конечно, должным образом протестовал бы, если бы что-либо подобное предполагалось к печатанию в газете ФОСП. Правление считает, что имевший место досадный инцидент никоим образом не должен отразиться на дальнейшей работе правления, Ваше участие в которой является особо ценным. Почему правление убедительно просит Вас пересмотреть Ваше решение и, учтя официальное заявление делегата ВСП в редакционную коллегию газеты, а также настоящее письмо, продолжать работу в Ленинградском отделе правления Всероссийского союза писателей. С глубоким уважением Председатель Правления В. Шишков. За секретаря М. Козаков»⁸⁶.

В ответ, 3 июня, Замятин написал повторное заявление, в котором, ссылаясь на отсутствие в печати официальной оценки эпиграммы, отказался изменить свое решение о выходе из правления: «В Ленинградский отдел Правления В<сероссийского>С<оюза>П<исателей>. Уважаемые товарищи, считаю своим долгом принести правлению благодарность за все мероприятия для ликвидации инцидента, явившегося результатом напечатания “эпиграмм” Безыменского в однодневной “Литературной газете” Федерации. К сожалению, до сих пор район действия этих мероприятий ограничивается канцеляриями ВСП и ФОСП’а — между тем как район действия однодневной “Литературной” газеты определяется несколькими десятками тысяч тиража. Очень понятны причины, по которым задерживалось опубликование соответствующих заявлений от имени ФОСП’а; но в равной мере непонятны мотивы, по которым осталось невыполненным поручение президиума правления, данное товарищам К. А. Федину, М. Э. Козакову и Е. М. Лаганскому. Своевременным опубликованием заявления, текст которого дан в протоколе Президиума от 5/V, весь инцидент был бы полностью ликвидирован; опубликование такого заявления в лучшем случае через 1½ месяца после выхода однодневной “Литературной” газеты”, конечно, уже теряет смысл. Таким образом положение дела остается прежним: для всех, прочитавших однодневную “Литературную” газету”, информация обо мне Безыменского остается подписанной Союзом Писателей. Поэтому я не вижу никаких оснований отказаться от тех выводов, о которых я информировал правление моим письмом от 3/V с<его> г<ода>. 3-VI-1929. Евг. Замятин»⁸⁷.

⁸⁶ РО ИРЛИ. Ф. 291, оп. 1, № 57, л. 5.

⁸⁷ РО ИРЛИ. Ф. 291, оп. 1, № 57, л. 6.

Правление попыталось смягчить инцидент и сохранить Замятина в своем составе. Текст постановления от 5 мая был спешно отправлен в Москву с двумя сопроводительными письмами, в «Литературную газету» и в московское правление ВСП, с просьбой проконтролировать и ускорить публикацию постановления, которое, однако, так и не появилось. Официальная, но достаточно осторожная оценка эпиграммы была дана лишь 25 июня, почти через два месяца после ее появления. В опубликованном постановлении исполбюро ЛО ФОСП от 11 июня эпиграммы признавались «недопустимым материалом нелитературного характера». Примечательно, что исполбюро ФОСП, основываясь на том, что представители ФОСП в редакции однодневной газеты эти эпиграммы не просматривали, поспешило в этом же постановлении снять с себя ответственность за политическую клевету. Безыменский, в ответ на постановление ЛО ФОСП, в следующем номере «Литературной газеты» повторно опубликовал эпиграмму на Замятина, усугубив ситуацию подборкой цитат из критических статей и рецензий на его произведения: («ненавистническое отношение <Замятина> к Октябрю»; «Замятин понял революцию <...> как колоссальный преступный блеф, как бессмысленное и гнусное массовое убийство») и закончил открытым призывом к общественности «извлечь уроки»⁸⁸. В этом же номере был помещен протест РАПП против постановления ЛО ФОСП. Судя по протоколам заседаний правления, вопрос об исключении Замятина не рассматривался, но писатель, считая себя выбывшим, после 3 мая в заседаниях не участвовал. В отчете правления общему собранию 13 октября 1929 г. он указан как выбывший из состава правления после 3 мая 1929 г.

Осенью 1929 г., когда под видом реорганизации уничтожался «путнический» Союз писателей (дело «Пильняка — Замятина») и партийный аппарат в очередной раз потребовал исключения Замятина⁸⁹, он уже около полугода не состоял в правлении. Оставалось изгнать его из Союза. В этот сложный период имя Замятина стало для ленинградских писателей символом прежнего Союза с его организационной

⁸⁸ Литературная газета. 1929. 8 июля. С. 2.

⁸⁹ Обстоятельства исключения Замятина из состава ВСП подробно изложены А. Ю. Галушкиным: 1) К «допечатной» истории романа Е. И. Замятина «Мы» (1921–1924) // Темы и вариации: Сб. статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Стэнфорд, 1994. С. 366–375; 2) Из истории литературной «коллективизации» // Russian Studies. СПб., 1996. Т. 2. № 2. С. 437–478; 3) «Дело Пильняка и Замятина». Предварительные итоги расследования // Новое о Замятине: Сб. материалов / Под ред. Л. Геллера. М., 1997. С. 89–146. См. также комм. Е. Барабанова в: *Замятин Е. Сочинения* / Сост. Т. В. Громова, М. О. Чудакова. Вст. ст. М. О. Чудаковой. М., 1988. С. 526–641.

автономностью и пониманием права художника на свободное творчество. Защитить Замятина — означало защитить Союз и в конечном счете — достоинство личности, попираемой государственной политической машиной. А. А. Фадеев, выступая в сентябре 1929 г. на II Пленуме РАПП, так характеризовал позицию ленинградских писателей: «Они его очень берегут. Это одна из тех фигур, на которых держится в значительной степени демократическая интеллигенция, которая сейчас смыкается через Замятина. Они не решаются отказаться от него до сих пор, потому что он для них является выполнением тех выспренных вещей, которые они о себе говорят»⁹⁰.

Почти месяц ленинградский Союз писателей пытался отстаивать Замятина, отвести от него политическое обвинение в связи с зарубежной публикацией романа «Мы»⁹¹ и сохранить его в Союзе, но тоталитарный режим исключал компромисс. На разгромных собраниях Союза 22 сентября и 13 октября, последних, отличавшихся «лица не общим выраженьем», писатели по-разному реагировали и на реформирование Союза, и на травлю Замятина. Так, Федин под давлением обстоятельств вынужден был признать поступок Замятина «политической ошибкой», заслуживающей «порицания советской общественности»⁹². На первом собрании предлагалось отложить обсуждение вопроса до детального ознакомления со всеми фактами. Каверин, в частности, назвав «поступки Пильняка и Замятина политическим двурушничеством», предложил сначала ознакомиться с романом «Мы» и повестью «Красное дерево», «раздать романы членам Союза и затем уже обсуждать вопрос дальше»⁹³, за что тут же был обвинен в аполитичности. В защиту Замятина выступали Е. М. Тагер, А. А. Гизетти, Г. Э. Сорокин, А. В. Туфанов, Н. Я. Рашковский. Характеризуя события осени 1929 г., обозначившие рубеж в истории Союза, Федин писал Замятину: «Разброд и растерянность правления достигли страшных размеров. Решения принимались наспех и под таким чудовищным давлением, что под конец все чувствовали себя совершенно раздавленными. Правление

⁹⁰ Из стенограммы Пленума (см.: *Галушкин А.* «Дело Пильняка и Замятина». С. 124–125).

⁹¹ Роман «Мы» впервые опубликован в России в 1988 г. в журнале «Знамя»; недавно появилось и первое научно комментированное издание романа: *Замятин Е.* МЫ. Текст и материалы к творческой истории романа / Сост., подг. текста, публ., комм. и статьи М. Ю. Любимовой, Дж. Куртис. СПб.: Издательский дом Мирь, 2011.

⁹² Из протокола общего собрания 22 сент. (РО ИРЛИ. Ф. 291, оп. 1, № 14, л. 27 об.).

⁹³ Там же.

“было взято” измором. <...> “Работа” велась непрерывно с трех часов дня, когда началось заседание правления, до двенадцати ночи, когда окончилось общее собрание»⁹⁴. Резолюцию, осудившую «поступки» Пильняка и Замятина, утвердили на общем собрании 13 октября, когда Замятин уже выбыл из Союза по собственному заявлению, опубликованному в «Литературной газете» 7 октября. От него, конечно, ждали «безоговорочного осуждения им самим своего антисоветского поступка». При этом условию ему, как и было записано в резолюции, возможно, и позволили бы вернуться в Союз писателей. Но покаяния не последовало.

В знак протеста против травли Замятина и Пильняка и соглашательской позиции Союза из организации вышли А. А. Ахматова, Б. Л. Пастернак, Б. Пильняк, М. А. Булгаков; из состава ленинградского правления — Н. В. Баршев и К. А. Федин, московского правления — В. В. Вересаев и А. Г. Малышкин.

На переломе 1920–1930-х гг. изгнание из литературной организации означало и отлучение от литературы. После 1929 г. произведения Замятина перестали печатать; в 1931 г., получив личное разрешение Сталина, он покинул Россию.

⁹⁴ Из письма от 23 сент. 1929 г. («...Мне сейчас хочется тебе сказать...»: Из переписки Б. Пильняка и Е. Замятина с К. Фединым / Публ. Н. К. Фединой; [Вст. ст. и комм. А. Н. Старкова] // Литературная учеба. 1990. № 2. С. 83).